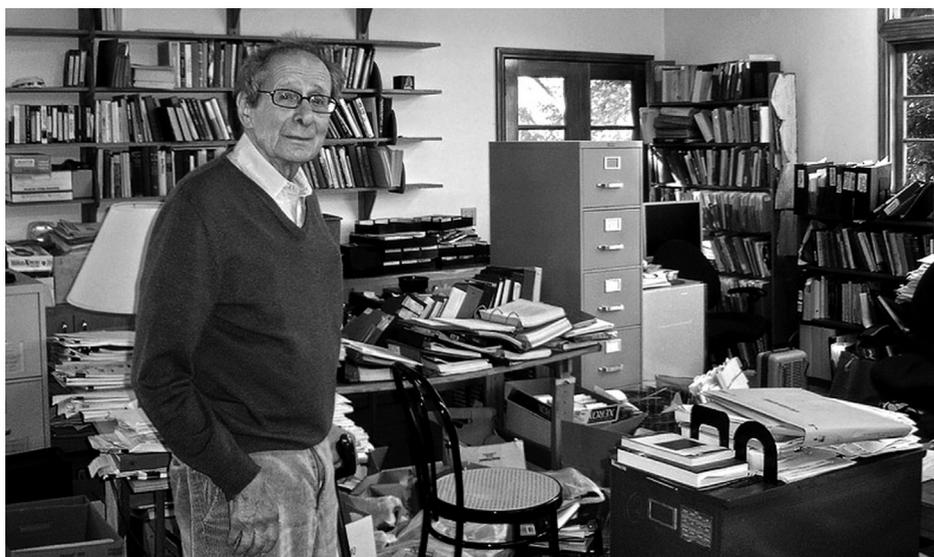

HAROLD GARFINKEL (1917–2011): IN MEMORIAM

ГАРОЛЬД ГАРФИНКЕЛЬ: КАТАЛОГ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Андрей Корбут

Гарольд Гарфинкель (1917–2011) занимал странное место в социологии. С одной стороны, он был безусловным классиком – не только потому, что его имя можно найти практически в любом словаре или учебнике по социологии и не только потому, что он сотрудничал с крупнейшими социологами XX века, но и потому, что вопросы, которые он затрагивал в своих работах, составляют ядро социологии как дисциплины: воспроизводство социального порядка, идентификация социального действия, практическая рациональность акторов, ситуационность социальных взаимодействий, отношения научного и обыденного социологического знания. Ответы именно на эти вопросы обычно ищут в том «изобретении», с которым прочно связано имя Гарфинкеля, – этнометодологии. Но, как ни парадоксально, эта же самая «этнометодология» мешает с легким сердцем включить Гарфинкеля в социологическое поле, поскольку его крайне сложные для чтения работы (значительная часть которых еще ждет публикации) посвящены достаточно неудобным для социологического воображения вещам: очереди, физическому эксперименту, астрономическому открытию, вводной лекции по химии, сборке кресла, больничным медкартам. Из-за этого тексты Гарфинкеля стали для социоло-

логии тем же, чем для нее являются, по его мнению, обыденные феномены порядка: чем-то видимым, но незамечаемым, неинтересным. Гарфинкель стал частью социологии, но что он для нее сделал – многим до сих пор непонятно. Возможно, по этой причине ему (и он – сам себе) столь настойчиво задавали вопрос: «Что такое этнометодология?» Он неоднократно отвечал на этот вопрос, и всякий раз ответ был вызовом тем, кто хотел бы услышать доступную формулу, которую можно понять, не учитывая, кто и когда ее произнес. В этом смысле Гарфинкель, говоря об этнометодологии, был последовательно индексичен. Для него этнометодология могла существовать лишь как каталог исследований, но не как научная теория или традиция. Это создает трудность для тех, кто сейчас, после кончины Гарфинкеля, пытается сказать о нем «в целом». Единственный способ преодолеть эту трудность – представить все, что сделал Гарфинкель, в виде отдельного каталога. Или даже нескольких каталогов, по-разному организованных.

Главный каталог – это опись его исследований. Начиная с объемной докторской диссертации «Восприятие другого: исследование в области социального порядка» (защищена в 1952 году), написанной под руководством Толкотта Парсонса и наполовину состоящей из материалов нескольких «нарушающих» экспериментов, и заканчивая последней, незавершенной книгой, посвященной исследованиям науки, Гарфинкель старался самым тщательным образом документировать и описывать мельчайшие детали той реальности, которую он избирал в качестве предмета исследования. Даже демонстрация различий между этнометодологией и так называемым «формальным анализом» (то есть всей остальной социологией) была для него вопросом практическим: он изобретал педагогические техники обучения этому различию через действия в реальном мире. Например, он просил студентов принести в аудиторию записи звонящего телефона, который звонит именно им и никому другому. Способ и результат кодирования этих записей Гарфинкель описывал как достижение формального анализа, а способ их производства – как естественную «описуемость феномена», которую выявляют этнометодологи. Да и сам термин «этнометодология» появился, когда у Гарфинкеля возникла необходимость как-то назвать ту «науку», которая могла бы заниматься изучением методов, используемых присяжными при вынесении вердикта. Человек, меняющий пол; поток машин на шоссе; кухня слепой женщины; нарисованная на клочке бумаги карта маршрута к дому Люси Сачмен; написание своего имени мелом на доске в маске с инвертированными линзами – эти и многие другие «социальные вещи» (как называл их Гарфинкель вслед за Дюркгеймом) можно найти в данном каталоге, который организован лишь по одному принципу: по названиям Вещей (Гарфинкель писал их именно так, с большой буквы), расположенным в алфавитном порядке. К сожалению, список публикаций, которые можно включить в каталог, мал. Гарфинкель публиковался крайне редко: всего две книги по этнометодологии («Исследования по этнометодологии» 1967 года и «Программа этнометодологии» 2002 года), две книги, содержащие ранние, как говорит Майкл Линч, протоэтнометодологические работы («Социологический взгляд» 2005 года и «К социологической теории информации» 2008 года), и дюжина статей. Хотя работать он не прекращал никогда, многие его тексты передавались этнометодо-

логами и заинтересованными социологами из рук в руки с условием не публиковать и не распространять их без разрешения автора. Такое отношение к собственным текстам (вкуче с крайне необычным языком, на котором они написаны) было использовано многими как повод для обвинений Гарфинкеля в сектантстве и едва ли не мистицизме, однако для него оно было закономерным следствием этнометодологической исследовательской политики: он полагал, что описания конкретных феноменов имеют смысл лишь для тех, кто проводит собственные исследования. В противном случае текст будет читаться как способ концептуализации и генерализации, а в своих текстах Гарфинкель не концептуализировал социальный мир – напротив, он конкретизировал его, вплоть до требования выходить за пределы текста и использовать его лишь как предмет анализа при наблюдении и описании феноменов порядка.

Второй по важности каталог – это каталог этнометодологических исследований тех людей, с которыми сотрудничал, которым преподавал или диссертациями которых руководил Гарфинкель, почти всю свою академическую карьеру проработавший в UCLA. Харви Сакс, Дэвид Саднау, Мелинда Баккус, Д. Лоуренс Вайдер, Эрик Ливингстон, Люси Сачмен, Майкл Линч, Эгон Биттнер, Кеннет Либерман, Альберт Робье, Дуглас Макбет, Стейси Бернс – эти и многие другие имена связаны с тем или иным исследованием конкретной Вещи. Например, Эрик Ливингстон в своей диссертации описывал такую Вещь, как доказательство теоремы Геделя. Кеннет Либерман в своей книге описывал философские дебаты в тибетских университетах. Люси Сачмен – использование копировального аппарата. Каждому имени соответствует одно или несколько исследований, поэтому данный каталог содержит два подкаталога: пофамильный и предметный. Это связано среди прочего с тем, что глубина погружения в свой предмет, которой требовал Гарфинкель, предполагала не просто его всестороннее исследование, а буквальное овладение им – задача, которую Гарфинкель называл «требованием уникальной адекватности». Кеннет Либерман, например, прошел формальное обучение в одном из непальских буддистских университетов. Только компетентное умение производить Вещь позволяет описывать ее с необходимой детальностью и адекватностью. Это значит, что этнометодолог, потратив много времени и сил на обучение специфическому искусству практического действия, становится фактически неотделим от своего предмета. Его имя теперь – это не имя исследователя, а имя носителя практики. Поэтому запись в каталоге этнометодологических исследований всегда представляет собой пару: название Вещи плюс имя того, кто ее описал. Однако каждая запись в этом каталоге содержит и кое-что еще: библиографию описаний, которые можно найти в формально-аналитической литературе. Практически каждая Вещь имеет свое социологическое описание (или несколько описаний). Поэтому Гарфинкель говорил: «Пойдите в библиотеку и прочитайте все, что написано о вашей Вещи, а потом пойдите и посмотрите, как она производится в живой ситуации как наблюдаемый феномен порядка».

Наконец, третий каталог – это каталог тематических источников, авторов и книг, к которым Гарфинкель постоянно возвращался. Прежде всего, в него входят работы Арона Гурвича, Мориса Мерло-Понти, Людвиг Витгенштейна, Эдмунда Гус-

серля, Толкота Парсонса, Альфреда Шюца. Гарфинкель «доставал» из этих работ тематизации, которые затем использовал для исследований феноменов порядка в реальном мире. Исследования не были иллюстрациями этих тематизаций, скорее, тематизации использовались как инструкции по нахождению феноменов порядка, которые, как и всякие инструкции, не описывали то, что исследователь реально делает. Инструктивный потенциал этих текстов делал их крайне важными для понимания, в том числе того, как работает формально-аналитическая социология, которая была для Гарфинкеля таким же предметом исследований, как и, скажем, деятельность коронеров. Поэтому каталог тематических источников не ограничивается только философскими или социологическими авторами. В него попадают, например, работы Кэлвина Муэрса, в которых рассказывается об изобретенной автором системе кодирования и обработки библиотечной информации. Гарфинкель вместе со студентами анализировал эту систему, демонстрируя с ее помощью то, каким образом социологи пытаются заместить индексные свойства обыденных действий объективными, и то, почему это неосуществимо. Иными словами, этот каталог содержит набор источников, обладающих инструктивным потенциалом. Его ни в коем случае не следует рассматривать как каталог, указывающий на «интеллектуальные линии наследования». Частое обращение Гарфинкеля к работам феноменологических философов не делает его представителем «феноменологической социологии», а анализ «Философских исследований» Витгенштейна не делает его «аналитическим социологом». Гарфинкель призывал читать эти работы намеренно неправильно, не так, как их следует читать – например, не как философские трактаты. Это неправильное этнометодологическое прочтение позволяло ему, читая тексты, находить дорогу к конкретным феноменам, описание которых эти тексты не могли предоставить, но путь к которым с этими текстами в руках становился более интересным. Поэтому данный каталог – это совершенно уникальный каталог неправильных прочтений, который вряд ли что-то скажет пользователю о включенных в него работах, потому что он предназначен не для читателей, а для исследователей.

Три указанных каталога, содержание которых было представлено лишь в общих чертах, разумеется, представляют лишь некоторый временной срез. Генеральный каталог жизни Гарольда Гарфинкеля будет неизбежно меняться, дополняться, будут появляться новые принципы его организации и новые системы классификации, возможно, он даже переедет в новое здание, однако того, что в нем есть, уже достаточно, чтобы оценить как масштаб сделанного Гарфинкелем, так и огромное влияние, оказанное им. Каталогизировать его жизнь – не значит делать ее более понятной и линейной, редуцируя полноту идей и жизненных событий до набора единообразных элементов. Наоборот, это способ следовать духу этнометодологического принципа, действенность которого обнаруживалась в каждом исследовании Гарфинкеля: порядок может быть обнаружен где угодно и кем угодно. Даже самые знакомые нам вещи могут стать предметом изучения. Для этого нам не нужно отстраняться от них, делать их незнакомыми. Напротив, мы должны максимально приблизиться к ним. Не стоит бояться, что при этом мы утратим объективность, потому что мы, наоборот, обречены, так как объективность обыденных вещей –

это объективность, производимая самими участниками повседневных жизненных ситуаций. Гарфинкель в своих работах делал знакомое знакомым, то есть открывал знакомость социальных действий в качестве предмета социологического исследования. И хотя он никогда не стремился кого-либо чему-либо поучать, предпочитая учиться сам, именно этот урок представляет собой несомненную ценность для всех, кто пытается исследовать социальную реальность.

VIS-À-VIS С ГАРФИНКЕЛЕМ. СОЦИОЛОГ ОЧЕНЬ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Нона Шахназарян

(12 мая 2011, Краснодар)

Наше профессиональное знакомство с Гарольдом Гарфинкелем состоялось в марте 2007 года на небольшой рабочей конференции, устроенной на факультете социологии университета Калифорнии в Лос-Анджелесе. Профессор Гарфинкель делал доклад о футбольных фанатах. Конференцию, ставшую интеллектуальным чествованием Гарфинкеля, организовал и вел профессор социологии и политических наук из Ланкастера (Великобритания) Роджер Пенн.

Сразу после конференции я связалась с Гарфинкелем по электронной почте – напомнила о себе, написала о причине своего пребывания в Лос-Анджелесе, о своей теме и о том, что хотела бы сделать ему предложение о сотрудничестве от лица петербургского ЦНСИ. Гарфинкель откликнулся немедленно, поблагодарил за интерес и попросил прислать ему мои тексты. В результате длительных телефонных переговоров с его женой Арлин мы встретились в их доме в одном из очаровательнейших районов Лос-Анджелеса (Pacific Palisades) 10 апреля 2007 года. Узнав о том, что я без машины, его супруга предложила приехать за мной в кампус и забрать в свой «Тихоокеанский палисад». Я была очень тронута чуткостью, вниманием и стараниями обоих супругов Гарфинкелей – с самой первой минуты нашей встречи и до последней. Поскольку я представилась как исследовательница из России и Армении/Карабаха (о последнем был и мой текст, с которым Гарфинкель ознакомился перед встречей), они приготовили для меня восточные сладости, среди которых была *пахлава*, и порцию сочной клубники. Мы сели. Я вручила Гарфинкелю пару номеров «Бюллетеня», изданного нашим тогда еще существовавшим Краснодарским центром кавказско-понтийских исследований. Он стал их внимательно рассматривать. Подготовив для записи диктофон и блокнот, я, не без волнения, настроилась задавать заранее продуманные вопросы, слушать, записывать. Но сложилось все иначе. Гарфинкель сказал, что хочет дать мне шанс рассказать о себе подробнее. Следующие 15–20 минут он занимался тем, что сейчас называют *garfinkeling*, разбивая каждый ответ на соцветия новых вопросов.

При упоминании об армяно-азербайджанском конфликте и моем вынужденном переезде из Азербайджана он заметно погрузнел и стал расспрашивать все больше и больше. Далее разговор развивался следующим образом:

– Простите мне мой наставнический тон и позвольте дать Вам несколько советов по поводу Вашего дальнейшего образования...

– Да, конечно.

– Вы уже потеряли девять лет из-за этих досадных событий – это очень большой срок в академическом мире, вам надо действовать теперь очень быстро. Вы здесь – это уже хорошо. Хотя Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, и вообще система университетов Калифорнии, не самое лучшее место – очень амбициозное – и при этом сильно уступает Гарварду, Оксфорду, но это неплохой старт. Если вы уже здесь, почему бы не продолжить? Задавайте себе самую высокую планку и берите эти высоты одну за другой. Не бойтесь проиграть. Язык – проблема преодолимая. Продолжайте, вы уже начали это, попробуйте разобраться в структурах здешних (западных академических) элит.

Вслед за этим Гарфинкель перешел к комментариям по рабочей версии моей статьи:

– Я знаю, Вы писали мне, это рабочая версия и это хорошее описание местных практик (*vernacular description*), хорошая попытка уловить суть всей этой местной динамики, но не останавливайтесь, идите дальше. Вам не надо играть со словами... и Вам не надо бояться критики. Сделайте необходимые усилия и попытайтесь учиться экономической антропологии и социологии у лучших в мире – они в Гарварде, они в Колумбийском университете, в Чикаго, в Беркли, в британском Оксфорде. Сделайте ставку на эффективность обучения. Поместите себя в компанию лучших учителей. Говорите с людьми, которые говорят на хорошем английском... Обратите внимание на учебники. В тексте учебника не распознается автор (*the author is not findable in the text*)... Соберите все учебники по дисциплине [экономическая антропология/социология – прим. авт.], прочтите несколько из них, не все, но и не один... Вы увидите, что региональные версии учебников (*vernacular version of textbooks*) открывают доступ к локальному контексту, и этим они отличаются от оригинального учебника.

Я имею в виду, что надо переопределять, переосмысливать феномены (*respecification of phenomenon*). Быть в гуще своего исследования. Это и есть воплощенные исследования (*embodied research*). Надо определить круг чтения и постоянно переопределять феномены. Только так Вы напишите запоминающуюся диссертацию. О чем все [сейчас – прим авт.] говорят? – о [свободном – прим. авт.] рынке, все описывают его. Рациональное действие – да, это громадная тема. Класс-раса-гендер – и все время пересматривать эти явления, неустанно респецифицировать их. Научитесь вести разговор, аргументировать и выигрывать спор. Ведь конкуренция бесконечна, и иерархии никто не отменял. Понимаете, о чем я говорю? Это можно сравнить с конюшней. Слишком много кандидатов в запасе, они ждут. Да, это гонка, но это не значит, что Вам надо опускать руки. Напротив, это значит, что от Вас многое зависит,

и главное не останавливаться в своем стремлении быть образованным человеком. Я скажу, Кондолиза Райс – очень хороший пример в этом смысле. Очень образованная женщина и добилась всего сама.

Арлин пригласила меня к чаю, признавшись, что сами они не очень большие любители и ценители чая.

Я попросила разрешения сделать несколько фотографий и перешла к главной теме: рассказала про вакуум, образовавшийся в социальных науках в постсоветское время, и о том, что только очень смелые люди, которых не так много, нашли в себе силы создавать независимые центры и не-правительственные, альтернативные исследовательские институции, которые пытаются преодолеть вызовы *нового* времени. Я сказала, что директор одного из таких центров, Виктор Воронков, предлагает ему сотрудничать и поддержать исследования центра, войдя в состав редсовета практически «новорожденного» журнала *Laboratorium*.

– Напишите, пожалуйста, Виктору, что звучит все это очень привлекательно. Как Вы описываете, да, я определенно хочу присоединиться к нему и участвовать в том, что вы делаете. Передайте ему, чтобы писал мне не колеблясь. Пусть опишет мне замысел, идеологию своего журнала.

После чая Арлин пригласила всех подняться наверх. Гарфинкель постоянно говорил о своих учениках – увлеченно, восторженно и благодарно. Все втроем мы поднялись по лестнице на верхний этаж дома, щедро залитый солнечным светом. В окна заглядывали цветущие тропические деревья, делающие Калифорнию безошибочно узнаваемой. Легкие деревянные полки, приделанные к стенам, были заставлены книгами. Там, наверху Гарфинкель без конца говорил о своих учениках, попутно знакомя меня со своим кабинетом, атмосферой своего рабочего места, с самыми дорогими его сердцу книгами, которые всегда должны быть под рукой. Он обратил мое внимание на отдельную полку, где были расставлены в ряд работы его учеников и студентов – всего 36 книг: «Все эти книги в разной степени переопределяли социологию – ре-специфицировали социологию, о чем я говорил Вам уже».

– Вот она, эта книга Майкла Линча [Lynch 1997]. Книга Берила Белмана, необычайно талантливо написана, про деревенских шаманов, называется «Ethnohermeneutics...» [Bellman 1977] – это исследование о том, как говорить на секретном языке. Я полагаю, каждая из этих книг добавляет что-то к вашему специфическому опыту [*to your expertness*].

Напоследок, в очередной раз удивив меня своей неподдельной скромностью, Гарфинкель повторно извинился за наставнический тон, добавив при этом, что обучение на самом деле – процесс взаимный.

Обратная дорога в университет была также насыщена впечатлениями. Уже выйдя во дворик, в ответе на вопрос Гарфинкеля о моих дальнейших исследовательских планах, я упомянула, что сейчас меня интересует тема ветеранов-детей. Я также поделилась своим удивлением – какое количество интересной литерату-

ры написано на эту тему в США и как оперативно все исследуют здесь с точки зрения науки. А министерство по делам ветеранов... Супруги тут же стали обсуждать наш новый маршрут по Ветеран авеню, запланированный теперь так, чтобы Арлин могла показать мне организации, занимающиеся проблемами ветеранов: медцентр, институт по исследованию адаптации ветеранов, а также могилы ветеранов, расположенные в самом центре Лос -Анджелеса, на Вествуде.

Весь остаток дня я продолжала дистанционно ощущать исходившую от Гарфинкелей лучистую благожелательность. Конечно, это мой *субъективный* взгляд на события того дня. Именно таким мне запомнился специалист по повседневности профессор Гарольд Гарфинкель с его этнометодологическим характером.

Спустя ровно четыре года после нашей встречи, 21 апреля 2011 года, в возрасте 93 лет профессора Гарольда Гарфинкеля не стало. Очень хотелось бы быть сейчас в Лос-Анджелесе, просто походить по кампусу, а оттуда прогуляться до Ветеран авеню. Постоять на каждом из мест, где Арлин останавливала машину и «открывала» для меня места, рядом с которыми я жила уже седьмой месяц, мимо которых я ездила каждый день...

А еще я вспомнила вдруг, как профессор Гарфинкель подписывал все свои сообщения:

Искренне,
Гарольд Гарфинкель

УПОМИНАВШИЕСЯ В ТЕКСТЕ РАБОТЫ:

- Bellman, Beryl L. 1977. "Ethnohermeneutics: On the Interpretation of Intended Meaning among the Kpelle of Liberia," in: William C. McCormack and Stephen A. Wurm (eds.). *Language and Thought: Anthropological Issues*. The Hague and Paris: Mouton.
- Garfinkel, Harold. Harold. 2003. *Four-Volume Set*. Michael Lynch and Wes Sharrock (eds.). London: Sage Publications.
- Lynch, Michael. 1997. *Scientific Practice and Ordinary Action: Ethnomethodology and Social Studies of Science*. Cambridge: Cambridge University Press.